

Большие волны размывают песок. Начался второй тур фестиваля "Срывания цветка". Количество участников уменьшилось вдвое. Некоторые из них закрывались в уединении, исцеляя свои раны, другие пытались проанализировать опыт, полученный в результате уже проведенных боев. Несколько небольших сект уже покинули город Е в полном составе, поскольку ни одному из учеников не удалось перейти во второй тур.

Несмотря на уменьшившееся количество участников, обитателей в городе Е не стало меньше.

Напротив, фестиваль все еще привлекал к себе многих.

Сильные культиваторы старшего поколения прибыли, чтобы оценить уровень молодежи и понять, скоро ли придет эра "Звездного скопления", наступление которой предсказал глава академии Ланьюань.

Те культиваторы, которые раньше участвовали в фестивале, приехали поддержать учеников своей секты. Чтобы их вдохновить, они делились с ними своим опытом участия в боях на арене.

В этот день солнце палило нещадно. Стоял невыносимый летний зной.

В городе Е появилась группа культиваторов в светло-голубых одеждах.

Они приехали сюда не участвовать в фестивале и не ободрять учеников своей секты.

Они собирались кое с кем встретиться.

— Этот Инь Биюэ, он сразу перешел в следующий тур?

Тот, кто задал этот вопрос, в настоящее время полировал свой меч, сидя за столом.

Этот меч был невероятно длинным и таким темным, что в нем даже не отражались ослепительные лучи солнца, проникавшие сквозь окно. Казалось, он полностью поглощал попадавший на него свет, не давая ни единого отблеска.

Это касалось не только меча, но и человека, который за ним ухаживал. Он сидел рядом с окном, отвернувшись от солнечного света.

Несмотря на то, что он задал вопрос, выражение его лица было крайне равнодушным. Он и взглядом не удостоил человека, который стоял рядом с ним.

— Да, старший брат-ученик.

Хэ Лай больше не был прикован к постели. Его раны почти исцелились. Он стоял рядом со столом с серьезным выражением лица.

Юноша, который задал вопрос, больше ничего не сказал. Его взгляд, как и прежде, не отрывался от меча.

Спустя достаточно долгое время, за которое спина Хэ Лая успела покрыться холодным потом под действием невидимого давления, юноша заговорил.

— На этом все. В будущем тренируйся с мечом усерднее, чтобы больше не позориться.

Хэ Лай сразу же обрадовался. Подобрал полы одежды, он почтительно поклонился.

— Да! Благодарю, старший брат-ученик! Благодарю!

Он понимал, что фраза "на этом все" означала вовсе не то, что они решили забыть об этом деле. Напротив, этими словами он согласился лично уладить его. Именно поэтому он приехал сюда.

Молодой человек равнодушно махнул рукой.

— Можешь идти.

Хэ Лай расправил свои рукава и с поклоном удалился.

Когда Хэ Лай ушел, к юноше подошел старшина секты Баопу, остановился на почтительном расстоянии и тихо спросил:

— Вы решили уладить это дело?

Учитывая их разницу в возрасте, эта ситуация выглядела смехотворной.

Но в секте Баопу никто не посмел бы назвать ее странной.

Юноша слегка нахмурился. Он знал, что ему хотели сказать этой фразой. Ему напоминали, чтобы он воздержался от смертельного удара, чтобы не спровоцировать Святого меча.

Поэтому он ответил:

— Я не убью его.

Старейшина Баопу вздохнул с облегчением. Морщины на его лице разгладились, и он молча ушел.

Юноша продолжал полировать свой меч.

Да, он пообещал, что не нанесет смертельный удар.

Но серьезные ранения, нанесение увечий, повреждение духовных вен — все это не приводит к летальному исходу.

После начала второго тура фестиваля в городе Е оживленнее всего обсуждались два события.

Первым из них было противостояние на узкой дорожке "Меча ветра и дождя" и ученика Святого меча, которое чуть не привело к открытому столкновению.

Поскольку обе стороны разняли их старшие ученики, до драки дело не дошло. Однако все считали, что рано или поздно Чжун Шань и Инь Биюэ скрестят мечи. Как ни прискорбно, в этот раз Инь Биюэ сразу перешел в следующий тур и не будет сражаться. Все об этом сожалели.

Зато вторая новость, наоборот, вызывала дрожь в сердцах людей. Говорят, что на мосту Синшуй, расположенном в северной части города Е, кто-то заметил Чжэн Вэя, второго по рангу в "Семи сыновьях" секты Баопу.

Этот слух казался очень сомнительным. Многие отказывались верить, что Чжэн Вэй покинул свою гору, чтобы посмотреть фестиваль.

Если он действительно здесь, то что он задумал? Снова хочет кого-то убить?

Но это был город Е. Он же не собирается бросать вызов власти правителя города?

Неважно, кто приехал или не приехал, до сих пор фестиваль проходил в установленном порядке.

Во втором туре сражения были еще более напряженными и волнительными. Чтобы улучшить обзор для зрителей, из четырех арен оставили только две. Таким образом, продолжительность состязания значительно увеличилась.

Теперь не существовало ограничений по времени или ничьих. Равные по силе противники иногда сражались с раннего утра до заката, пока не определялся победитель.

Учитывая это, бой Ло Минчуаня и Пу Хуна из храма Синшань казался еще более необычным.

Как рассказывали очевидцы, первый ученик горы Цанъя не использовал свой меч или Дисциплинарный хлыст. Он победил прославленную Ладонь милосердия с помощью заклинаний, активируемых жестами. Обменявшись ударами, они остановились на полпути и принялись обсуждать буддийское учение.

Зрители их слушали, но не понимали, что происходит. Казалось, они находятся на окутанной туманами и облаками горе.

То, что ученик секты Цанъя и культиватор храма Синшань обсуждали буддийское учение, казалось нелепым. И все же, на закате Пу Хун внезапно рассмеялся и добровольно признал поражение.

Но Инь Биюэ не довелось увидеть эту блестящую дискуссию на тему буддизма.

В это время он достиг критической точки самосозерцания, войдя в некоторое мистическое состояние.

Инь Биюэ сидел внутри комнаты с закрытыми глазами и наблюдал за внешним миром. Он видел прожилки стола из зеленого нефрита, тихо шуршащие опавшие лепестки магнолии во дворе, сверкающую поверхность озера Цю, множество высоких зданий и бесконечный поток лошадей и повозок в городе Е.

Вернувшись в свое тело, он увидел свое сердцебиение, круговорот истинной сущности и циркуляцию крови.

Но видел он это не глазами.

Увиденное глазами не всегда является реальностью.

Для этого он использовал свою душу, от которой ничего нельзя было скрыть.

Он ощущал стремительный поток истинной сущности, текущей по его меридианам. Она напоминала быструю реку, раскалывающую горы и разбивающую камни. В ней содержался пронизывающий холод. Впервые в жизни этот холод не доставлял ему страданий. Напротив, это было приятное и успокаивающее чувство.

Он направил поток истинной сущности в потусторонний мир, словно реку, стремящуюся влиться в безграничное море.

Через мгновение у него возникла иллюзия гармонии с целым миром.

И все же, куда держать путь в этом безграничном море?

Это был четвертый день, который Инь Биюэ провел, медитируя в уединении.

Температура воздуха во дворике упала, словно уже наступила осень. На плитах выступил тонкий слой изморози. Магнолия, не выдержав напора холода, усыпала все вокруг своими цветами. Порыв ледяного ветра напоминал снежную лавину.

Ло Минчуань спокойно стоял под деревом.

— Он сейчас находится в состоянии самосозерцания. Младший брат-ученик скоро совершит прорыв.

Дуань Чунсюань серьезно сказал:

— Как жаль, что сегодня мне предстоит поединок. Пожалуйста, позаботься о четвертом брате-ученике вместо меня.

Ло Минчуань кивнул головой. Его взгляд выглядел решительным.

Однако, скрытые рукавами кулаки были крепко сжаты, а на ладонях выступил холодный пот.

Он знал, что его младший брат-ученик достиг критической точки, на которой любая оплошность недопустима.

Практически все ученики секты Цанъя собрались возле арен, где проходили бои. Поэтому, возле озера Цю сейчас никто не тренировался. Не было слышно никаких голосов. Вокруг было тихо и пустынно.

После ухода Дуань Чунсюаня в ближайшем к озеру дворике остался только один человек, Ло Минчуань.

Помимо осенней стужи и опадающих цветов, откуда-то доносились порывы ветра, развевающего рукава Ло Минчуаня.

Когда сюда задувала волна зноя, она мгновенно превращалась в пронизывающий осенний ветер.

Холод все больше усиливался. Теперь вокруг витали извивающиеся пряди энергии меча. Наружу начали простекать излишки намерения меча Холодной воды.

Сердце Ло Минчуаня замерло.

Младший брат-ученик сейчас использует меч? Неужели во время прорыва он столкнулся с какой-то помехой?

Инь Биюэ слегка нахмурил брови.

В своем мистическом состоянии он видел море, у которого не было границ. Прорыв означает

преодоление своего ментального барьера. Конечно же, он должен был познать свое собственное сердце.

Таким образом, его божественное восприятие плавало на поверхности моря. Он впервые видел внутри своего тела это бескрайнее море.

Ему было известно, что каждый культиватор, прорвавшись на ступень Проявления душ, обретает свое собственное "море". В нем хранилась истинная сущность, которая текла оттуда по каждому меридиану, совершала оборот, а затем возвращалась обратно.

Этот процесс будет продолжаться, пока не иссякнет море. И это море было видно только во время осуществления прорыва.

В настоящее время его море было окутано плотным туманом, который скрывал небо и затмевал солнце. Он хотел все как следует рассмотреть, но у него не получалось, поскольку он не был хозяином этого моря.

Он не претерпевал страданий и трудностей во время прорыва на ступени Уплотнения Ци, Очищения сущности или Проявления душ.

Он не знал, почему Святой меча принял его в ученики, а глава академии Ланьюань хотел убить Ло Минчуаня. И даже... почему он с самого начала хотел стать злодеем.

Слишком многое вызывало недоумение, слишком многое было непонятно.

Пока он не познает свое сердце, туман не развеется.

Погода за пределами двора стояла очень жаркая. Весь город Е был похож на парилку, в которой невозможно было дышать.

Внезапно небо помрачнело. Со всех сторон задул ветер, который захлопал вывесками и светильниками в маленьких павильонах, закрутил тонкую одежду, развешанную на бамбуковых шестах, и разметал солому.

Кто-то распахнул окно и закричал:

— Сейчас будет дождь! Бегите домой, закройте окна и соберите развешанную одежду!

И только прозвучал этот голос, как вдалеке послышался оглушительный удар грома! Улицы мгновенно опустели.

Летний дождь на Южном континенте стремителен, как летящий дракон. Беспрестанные удары грома сопровождался градом крупных, размером с фасоль, капель воды. Они падали вниз, танцуя в пыли. Вскоре начался ливень, и город Е оказался в ловушке дождя и ветра.

Яростной силы штормового ветра и проливного дождя было достаточно, чтобы весь мир омыть дочиста.

Два противника, разделенные завесой дождя, встретились на арене для поединков.

Ученики, наблюдающие за боями, окутали свои тела истинной сущностью, чтобы защититься от ливня.

Что касается восточной наблюдательной площадки, там даже земля не промокла.

Стоящий на платформе Дуань Чунсюань сложил руки в знаке приветствия.

— Пожалуйста, просвети меня¹.

Сюй Гуан спросил:

— Я слышал, что воспламеняющий талисман призывает огонь с небес, поэтому дождевая вода не способна его потушить. Это правда?

Дуань Чунсюань растерялся. Он подумал, что его сопернику просто любопытно, поэтому без задней мысли ответил:

— Да.

Сюй Гуан сразу же повернулся к дежурному ученику и воскликнул:

— Я сдаюсь!

Дуань Чунсюань просто потерял дар речи, ведь сегодня... Он вовсе не собирался использовать талисманы!

Когда Сюй Гуан спустился с платформы, он повернулся к ученику секты Ляньцзянь, который стоял рядом с ним, и сказал:

— В любом случае, мне и так повезло, что я победил в первом туре. Противостоять этому человеку, у которого неизвестное количество талисманов... лучше предоставить сражаться с ним людям секты меча Цинлу, которые живут ради славы.

Его собеседник с сочувствием посмотрел на него.

— Честно говоря, даже если бы ты победил, разве тебе не досталось бы от наших старших сестер-учениц?

Сюй Гуан перевел взгляд на учениц своей секты, которые сияющими глазами смотрели на арену. Немного поразмыслив, он решил, что в этих словах есть смысл.

Дуань Чунсюань жестом попрощался со зрителями, а затем повернулся и поспешил обратно к озеру Цю.

Над озером Цю бушевал шторм. Ливень создавал рябь на поверхности озера, к которой поднимались стайки красных карпов. Пепельно-серые крыши домов на берегу терялись во влажном тумане, словно их окутывал сизый дым.

Дождевая вода стекала по карнизам, капая вниз цепочкой жемчужин. Они падали на каменные ступени перед домом. Попадая внутрь дворика, струи воды становились холодным осенним дождем.

Осенний ветер с дождем обычно навевают на людей беспокойство.

Но в это мгновение источником беспокойства был вовсе не осенний дождь, а жажда убийства, проникающая сквозь завесу струй воды.

Рука Ло Минчуаня уже стиснула рукоять меча.

В последнее время он очень редко пользовался своим мечом, но это движение вышло у него плавным и естественным.

Его взгляд не отрывался от крыши напротив. На ней стоял человек в светло-голубых одеждах и длинным мечом. Бесстрастное выражение его лица заставляло сердце биться быстрее.

Ветер и дождь избегали его, не в силах приблизиться даже на три фута.

Никто не заметил, когда он там появился. Просто возник из ниоткуда в мгновение ока.

Инь Биюэ заранее установил вокруг дворика защитный барьер. Сейчас его флаги издавали пронзительные звуки. В сочетании с шумом ветра и дождя они казались особенно душераздирающими.

Весь дворик окутала аура разрушения и смерти.

Только погубив многие тысячи людей, можно приобрести такую насыщенную жажду убийства.

Ло Минчуань опознал этого человека по мечу и цвету одежд. Это был Чжэн Вэй.

Поэтому он убрал руку со своего меча.

Если он нападет на Чжэн Вэя с мечом, то не сможет опередить его. Чжэн Вэй стоял на крыше, а значит он первым пронзит человека внутри комнаты.

А в той комнате находился его младший брат-ученик, который был на грани прорыва.

В тот год, когда Чжэн Вэй стал знаменитым, еще не существовало "Семи сыновей" секты Баопу. Двое из этих "Семи сыновей" еще даже не появились на свет.

Чжэн Вэй сделал себе имя не благодаря своим боевым навыкам или уровню культивации, а посредством массового кровопролития.

В результате многие люди пришли к выводу: Чжэн Вэй больше заинтересован не в культивации или совершенствовании навыков обращения с мечом, а в смертоубийстве.

Взгляд человека на крыше был устремлен вдаль, словно он наблюдал за хлещущим над озером дождем.

Ведь с его точки зрения и Ло Минчуань, находящийся на ступени Откровения, и Инь Биюэ, в настоящий момент прорывающийся на следующий уровень, и Дуань Чунсюань, спешащий к ним сквозь непогоду, — все они были лишь ничтожными муравьями и бабочками-однодневками, которых можно было прихлопнуть в любое время. Они не стоили того, чтобы на них смотреть.

Уж лучше тогда обратить свой взгляд на озеро, лучше посмотреть на шторм.

Дуань Чунсюань еще был далеко от озера Цю, когда почувствовал обширную, как море, жажду убийства. Несмотря на плотную завесу дождя, он бросился со всех ног к их резиденции, на бегу поднимая фонтаны брызг. Но ему пришлось остановиться снаружи стены, ограждающей их дворик.

Ему преградила путь неосязаемая духовная энергия. Он хотел продвинуться дальше, хотя бы еще на шаг, но даже ногу не смог поднять. Ему казалось, что его тело придавила огромная гора.

Не сомневаясь ни секунды, он раскрыл бумажный зонтик.

Конечно же, целью этого зонтика было не защищать его от дождя.

Гора превратилась в большой валун, весом в тысячу фунтов. Дуань Чунсюань, пошатываясь, пошел вперед.

Он догадался, кто стоит на крыше. Даже культиватора на ступени Просветления оттеснило бы на три фута, что уж говорить о его текущем уровне Проявления душ.

Но он не мог отступить. Его старший брат-ученик все еще был внутри.

Дуань Чунсюань хотел выхватить свой меч. Вот только рука, нырнувшая внутрь рукава, вернулась пустой. Впервые в жизни он пожалел о том, что недостаточно прилежно тренировался.

Потому что он внезапно осознал, что идти против Чжэн Вэя с мечом абсолютно бесполезно.

Таким образом, сжимая в одной руке зонтик, вторую он поднял вверх, держа в ней единственную стрелу.

Но он понимал, что с его текущим уровнем стрела может пронзить стену и барьер, но вряд ли сможет приблизиться к тому человеку.

Наконец-то он признал правоту слов своего отца: "Хоть небесная армия и хороша, но ей все равно нужно отдавать приказы²".

Дождь все усиливался. Вдалеке раздавались раскаты грома.

Инь Биюэ внутри комнаты был погружен в состояние самосозерцания. Он не слышал ни ветра, ни дождя, но чувствовал жажду убийства. Она была похожа на стальную иглу, вонзившуюся в крышу, которая с несравненной остротой нацелилась ему прямо в спину.

Острие было направлено ему в спину, но отступить было некуда.

Не только он, но и Ло Минчуань, и Дуань Чунсюань — все они оказались в ловушке.

Человек на крыше узнал зонтик и стрелу в руках Дуань Чунсюаня. Его брови слегка приподнялись, но выражение глаз никак не изменилось.

Он не считал, что осмелиться поднять на него стрелу было отважным поступком. Напротив, ему казалось это глупым.

Ничтожные муравьи и бабочки-однодневки знают, что им не выстоять, но тщетно трепыхаются.

Ло Минчуань больше не держал в руках меч, но его взгляд не отрывался от Чжэн Вэя.

Цвет его зрачков постепенно менялся с теплого янтарного на глубокий черный. Это выглядело странно и удивительно, но в то же время естественно.

Если бы здесь присутствовал Инь Биюэ, он узнал бы технику Духовного зрачка Цзялань.

Ведь взгляд всегда быстрее меча.

Инь Биюэ знал, что лучшим выходом для него было бы отказаться от прорыва. Но он даже не думал об этом.

Он не стремился понимать сокрытые истины и загадки. Он не желал знать ответы на те вопросы. Его даже не заботила жажда убийства, устремленная ему в спину.

Он просто хотел хорошо жить в этом мире. Для этого ему нужна была сила.

Поэтому он выхватил свой меч и начал размахивать им!

Он не сможет совершить прорыв, пока не развеется густой туман?

Если он не может избавиться от него, то разрубит его на клочки!

Он все еще сидел на циновке с закрытыми глазами. Но над поверхностью моря меч "Надежда озера" с печальным звоном уже покинул свои ножны!

В то же самое время Ло Минчуань и Дуань Чунсюань почувствовали, как аура внутри комнаты резко усилилась, а намерение меча Холодной воды волнами рванулось наружу.

Наступил критический момент. До прорыва на следующую ступень остался всего лишь один шаг. Если тот человек на крыше намеревался нанести удар, сейчас для этого самый подходящий момент!

Зрачки Ло Минчуаня полностью почернели, став похожими на бездну, а стрела в руке Дуань Чунсюаня засияла, наполнившись истинной сущностью.

Однако на долю секунды дождь и ветер повсюду затихли.

Человек на крыше перевел взгляд на южную часть города. Немного нахмурившись, он неожиданно исчез за пеленой дождя.

Холодная и смертоносная жажда убийства тоже исчезла без следа, подобно морскому отливу.

Черепицу крыши, на которой стоял тот человек, быстро промочил дождь.

Дворик опустел, не осталось ничего, кроме ветра и дождя.

Душевное напряжение Ло Минчуаня внезапно спало. Спотыкаясь, он сделал два шага и только потом обрел равновесие. Столкнуться с могущественной аурой ступени Просветления и выстоять перед ней для многих людей показалось бы немыслимым.

Дуань Чунсюань, который все еще был за стеной дворика, с облегчением вздохнул. Силы покинули его. Держась за стену, он сел прямо в грязь.

Бумажный зонтик отлетел в сторону. Волосы на его лбу слиплись от дождя и пота.

Появление Чжэн Вэя казалось непостижимой загадкой, и исчез он столь же внезапно. Все потому, что при их уровне культивации невозможно было понять принципы противостояния культиваторам ступени Откровения или выше.

Ло Минчуань позволил себе успокоиться только потому, что заметил, как Чжэн Вэй перед уходом посмотрел в сторону резиденции правителя города.

Меч Инь Биюэ уже наносил удары по поверхности моря. Он настойчиво прорубался сквозь густой туман!

Над безмятежным, зеленым как нефрит морем возникла дорожка, в конце которой показался чистый луч света!

Инь Биюэ почувствовал, как все его тело стало легким и воздушным. Внезапно задул порыв ветра, и начался приток духовной энергии мира, сливающейся воедино. Проходя внутрь, она превращалась в истинную сущность и стекала в бездонное море. В обширном море вздыбились волны, и его объем увеличился более чем вдвое.

Он спокойно направлял истинную сущность по меридианам, пока ее циркуляция не успокоилась.

Летние дожди внезапно начинаются и быстро заканчиваются. Вскоре дождь начал затихать, а затем и вовсе прекратился.

Тяжелые облака разошлись. Вечер обещал быть ясным.

На западе все небо озарилось чистым светом. Солнечные лучи падали на землю, переплетаясь с висящими в воздухе капельками воды.

К городу Е снова вернулось прежнее оживление. Кричали уличные торговцы, дети колотили по лужам, жители выносили из домов круглые табуреты, чтобы посидеть на улице, наслаждаясь долгожданной свежестью и прохладой.

Наступил вечер. Поединки у подножия горы Чунмин завершились. Ученики разных сект начали расходиться. Они направились в город, вознося хвалу своевременному дождю, что избавил их от изматывающей жары, которая держалась почти полмесяца.

На берегу озера Цю Инь Биюэ распахнул дверь и вышел наружу.

Ло Минчуань стоял под деревом. У его ног натекли лужи, а подол одежды подернулся изморозью. И все же на его лице играла улыбка, теплая, как весенний ветерок.

Дуань Чунсюань сидел рядом и тяжело дышал. Увидев, что Инь Биюэ вышел из своей комнаты, он тоже улыбнулся и сказал:

— Поздравляю четвертого брата-ученика с прорывом на следующую ступень.

1. Вежливый оборот речи. Того же порядка, что и фраза, которую говорят после победы "ты позволил мне выиграть".

2. Думаю, это аналог выражения "на бога надейся, а сам не плошай".